

ДОСТИЧЬ СВОЕЙ ВЫСОТЫ¹

Митрополит АНТОНИЙ СУРОЖСКИЙ

Однажды, когда я, будучи подростком, вернулся из летнего лагеря для мальчиков, мой отец встретил меня вопросом: «С тобой ничего не случилось? Я тревожился за тебя». Я легкомысленно ответил ему: «Ты боялся, что я сломаю себе ногу или шею?» Он сказал тогда совершенно другим тоном: «Нет, это было бы не так страшно... Я боялся, не потеряешь ли ты свою внутреннюю цельность». И затем добавил: «Всегда помни: жив ты или нет – не так важно; важно, ради чего ты живешь и за что готов умереть».

Когда мы говорим о ценностях, мы должны мыслить именно в таких категориях. Слово «ценность», *worth*, можно связать со словом «достоинство»... Что мы считаем *достойным*, стоящим того, чтобы ради этого жить и ради этого умереть? Тот же корень, заметьте, и у слова *worship*. Чему можно достойно поклоняться, служить, перед чем благоговеть? В чем столько величия, что это может быть одновременно и источником вдохновения, и судом для нас?

Такова моя точка отсчета, и если мы в чем-то расходимся, то это лишний повод вместе подумать над этой важной проблемой.

Большинство людей – большинство из нас – не достигают своего максимума; мы очень мелки по сравнению с тем, чем могли бы быть. Бывают короткие моменты, когда по какой-либо внешней или внутренней причине мы становимся в полный свой рост, но затем снова превращаемся в ничтожество. Сами свое состояние мы так не называем, ничтожество – это то, что мы видим у других, но, соответственно, другие при этом видят наше ничтожество.

Я вспоминаю одну девочку, мою ученицу из Русской гимназии в Париже. Это была самая обыкновенная девочка, никто не замечал в ней ничего особенного, никому в голову не могло прийти, что в ней кроется героизм. Когда началась война, она оказалась в Югославии. Во время бомбардировки бомба попала в их дом, все бросились вон. Но эта девоч-

¹ Выступление в English speaking Union, 24 мая 1983г.

ка увидела, что одна старушка не смогла выбраться, и ринулась обратно в самый огонь. Она не спасла старушку и погибла сама, но в тот момент проявилось ее величие, она выросла в полную меру, достигла наивысшего уровня – она стала героем или, если хотите, просто самой собой. Встреча лицом к лицу с предельным ужасом дала ей импульс вырасти настолько, насколько она была способна.

Это, конечно, особый случай, но подобные примеры можно найти и в других областях жизни, примеры, может быть, не столь разительные, но достаточно значительные и реальные: кто-то мелочный, мелкий, себялюбивый, эгоцентричный, по той или иной причине неожиданно являет себя, и часто безотчетно, в совершенно новом свете. Такой причиной может стать любовь, или, например, стыд, или страх, а могут и глубокие внутренние убеждения. Я приведу пример таких убеждений, хотя и *ошибочных*, с моей точки зрения. Я подчеркиваю это для того, чтобы у вас не создалось ложного впечатления, будто я солидарен с ними, нет, но я восхищаюсь человеком, эти убеждения имевшим.

Во время войны я работал хирургом в прифронтовом госпитале. Однажды к нам попали двое немецких солдат, оба смертельно раненные, надежды на их выживание не было никакой. Я подошел к одному из них и, просто чтобы сказать что-нибудь человеческое, на что и он мог бы ответить так же, спросил: «Очень страдаешь?». На его измученном лице мелькнула улыбка, и он ответил: «Как я могу страдать – мы же вас бьем!».

Речь не идет здесь о его позиции, естественно, она совершенно неприемлема. Но благодаря своему выбору, который он считал единственно правильным, высшим, ради чего, ему казалось, стоит претерпеть страх, тяжелые мучения и даже отдать жизнь, он достиг человеческого величия. В тот момент, может быть, *только* в тот момент (прежде он мог быть совершенно иным – грубым, жестоким, безжалостным) он оказался способен на такую цельность, на полную самоотдачу, самопожертвование, на служение своему делу до конца.

Что касается любви, то в одной только мировой литературе мы найдем поразительные примеры того, что может совершить любовь, какое вдохновение она может зажечь, какое бесстрашие и мужество может дать порой ребенку или женщине, т.е. слабого сделать сильным. Вы сами, без моей помощи, можете припомнить эти примеры.

Таким образом, в рамках нынешней темы, я могу сказать, что высшей ценностью является то, к чему данный человек относится с особым почитанием, благоговением, что признает для себя великим или святым, ради чего готов жить и готов умереть. Я помню, как один молодой человек рассказывал мне об очень важном для себя жизненном переживании.

Дело также было во время войны. Он находился в крайне опасной ситуации, и не думал ни о Боге, ни о чем возвышенном. Он пробирался куда-то очень осторожно, ночью, и чувствовал, что кругом таится смерть. И вдруг его охватило такое сильное чувство Божьего присутствия, что он прямо там, на открытом, безлюдном мосту, где его могли увидеть и пристрелить, поклонился до земли и произнес: «Господи, да будет Твоя победа, и если ради нее я должен пропасть навеки, погибнуть, я готов принести Тебе и это!».

В каком-то отношении, это переживание того же рода, о котором говорит апостол Павел – ради спасения своего народа, он готов принять даже отлучение от Бога, который составляет все содержание, весь смысл его жизни вплоть до самой смерти (Рим. 9:3). Это может показаться абсурдом, но именно так выражает себя *предельный* опыт. Эта абсурдность, этот парадокс являются тогда, когда нет уже ни слов, ни образов, и порой вписываются в жизнь кровью.

Таким образом, первое, что я бы сказал относительно ценностей, и может быть, конкретнее, чем говорил до сих пор, это следующее. В одном из своих сочинений Ницше пишет: «Помните, что ваша природа не в вас, но над вами». Каждый из нас должен достичь своей высоты, своего максимума. Мы не можем успокоиться на том, каковы мы теперь. Но как этого достичь? Где и как искать то наше подлинное «я», в меру которого мы должны стремиться вырасти?

Я бы хотел указать один способ, но вероятно, можно найти и другие. Этот совет когда-то дали мне, и теперь я сам даю его уже на протяжении многих лет. Он годится для тех из нас, кто видит во Христе подлинного и совершенного Человека, через которого мы имеем откровение – *что* вообще есть человек, *чем* он призван быть на земле.

Когда мы читаем Евангелие, в нас рождается тот или иной отклик. Этот отклик бывает разного типа. Я могу назвать три из них. Есть места, которые мы умом признаем как слово Божие к миру, но при этом душой никак не отзываемся на него – ни положительно, ни отрицательно. Мы готовы сказать: «Это должно быть верно, если так считает Бог, но ко мне это отношения не имеет». Между прочим, так мы думаем по поводу большей части духовной литературы: мы ее прочитываем, принимаем к сведению, но никак при этом не меняемся сами.

Есть места, которые мы отвергаем, отталкиваем: «О, нет! Только не это!». Помню, лет тридцать тому назад я читал в нашем приходе лекцию о заповедях блаженства. И когда я кончил, одна очень прямолинейная русская дама сказала мне: «Ну, отец Антоний, если Вы *это* называете блаженством, то возьмите его себе! Я достаточно наголодалась и изжаж-

далась в своей жизни, достаточно настрадалась, чтобы назвать это блаженством. Спасибо Вам!». Это была очень откровенная и прямая реакция не только на мою беседу, но и на собственно Божьи слова к нам, это было сказано искренне, правдиво. Эта женщина стояла перед Богом в своей правде. Она была несовершенна, она еще не поняла свое человеческое богатство и глубину, но, по крайней мере, в ней не было никакой лжи ни перед собственным опытом, ни перед совестью, ни перед судом Божиим, ни перед нашим судом.

Почему эти места так важны? Если мы верим, что слова Христа, Его заповеди, притчи, поучения, а также сами Его поступки описывают, каким должен быть подлинный человек, это позволяет нам оценить расстояние между ним и нашим собственным «я». Если большая часть Его слов вызывает подобную реакцию, значит, нам предстоит еще долгий путь! Из этого не следует, что человек этот уже отвергнут или осужден, но ему брошен вызов, предложена задача, указана цель, к которой он может стремиться.

Но есть и другие места, на которые мы отсылаемся словами: «Истинно так! Как прекрасно! О, да!». В этот момент нам открывается понимание Божьей воли, Его ума и сердца, а также нашей *со-причастности, созвучности* Ему. А если мы созвучны Ему, если умом и сердцем понимаем Его, значит, между нами и Им есть уже подлинное сродство, значит, в самом себе я уже открыл хотя бы одну черту настоящего и совершенного человека. Речь идет не о внешнем подражании, копировании Христа, но о внутренней общности, общности мыслей и чувств. Открывая свое подлинное «я», человек одновременно, открывает что-то и о Боге. И нет другого пути познания Бога, кроме как через познание того, в чем Бог и я, его искаженный, но все-таки еще живой образ, находимся в гармонии.

Начиная с этого, можно двигаться дальше. Можно сказать: «Я обнаружил внутри себя нечто, что превосходит мое прежнее знание о себе. И теперь, если я не буду жить *в эту меру*, я буду изменять не только Богу, но и самому себе, буду умалять ту высоту, уродовать то прекрасное, что могло бы быть!». Если мы открыли одно, два, три таких места, то дальше, на протяжении всей своей жизни, изо дня в день мы должны быть верны этой своей новой высоте. Замечу, кстати, что чем меньше будет таких мест в Евангелии, тем лучше, в противном случае это означало бы, скорее всего, самообман или простую восторженность («Ах, как славно!»), а не готовность принять серьезный вызов, которым является для нас вся безмерность Бога.

Мы можем (только не в смысле «нам разрешено»!) в отдельных случаях нарушить что-то, что заповедано Евангелием, но уж никак не мо-

жем нарушить то, что является не только евангельской заповедью, но и написано в нашем сердце, нашем разуме, в самом нашем существе. Есть очень смелое высказывание Марка Подвижника, святого первых веков христианства, которое, однако, следует толковать правильно, которым нельзя злоупотреблять в угоду себе. Он говорит примерно так: если Бог станет перед тобой и велит сделать то, чему ты не сможешь сказать от всего сердца «Аминь!», не делай этого, Бог не нуждается в твоём поступке, Он нуждается в твоём сердце, в твоём согласии, твоём соучастии Его воле, Его мысли, Его сердцу.

Таким образом, когда мы говорим о том, чем стоит жить, т.е. о наших ценностях, то не стоит искать их где-то далеко. Ищи их в самом себе. Стань той личностью, какой ты на самом деле являешься. Не тем мелочным, мелким, ничтожным человеком, старающимся занять как можно больше места и заявить о себе как можно громче, чтобы создать у себя и других иллюзию значительности своего существования, – стань человеком, который по-настоящему высок, пусть это и не бросается в глаза сразу.

Это не значит, что все будет происходить последовательно, т.е. сначала ты становишься подлинным и совершенным человеком, а потом действуюешь. Одно и другое взаимосвязано, происходит одновременно. Обнаружив что-то *одно* подлинное в себе, будь готов пересмотреть все свое отношение к жизни, все свои действия.

Может быть, здесь стоит сказать о ценности нашего, хотя часто очень смутного, сознания своей смертности. Первые христиане часто повторяли: «Помни последняя твоя!». Для современного человека это звучит так: «Живи всю жизнь под тенью страха, забудь об окружающей красоте, о наступившей весне, о солнечном свете, о зеленой траве, о торжестве жизни вокруг тебя, – все это кончается тлением». Но не таково было чувство древних христиан. Совершенно очевидно, что не это имел в виду апостол Павел, когда говорил: «*Ибо для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение*» (Флп. 1:21). Он видел в смерти, по собственным его словам, не тот момент, когда он совлечется, сбросит временную жизнь, а момент, когда он облечется в вечность.

Только острое чувство, что жизнь может оборваться в любую минуту, дает каждому моменту жизни небывалое напряжение. Именно об этом мы читаем в древних источниках. Представьте, как бы вы разговаривали с человеком, не только с любимым, с любым, если бы вы ясно понимали, что каждый из вас может умереть в один миг. Такое случается, но мы никогда об этом не думаем. Как бы вы себя вели? Наверное, старались бы сделать каждое слово, каждый жест, все содержание ваших взаимоотно-

шений, торжеством и совершенством жизни! Если бы я знал, что слово, которое я сейчас скажу, это мое последнее слово, я бы стремился, чтобы оно было для каждого слушающего словом жизни! Если бы я понимал, что человек, с которым я сейчас нахожусь, может умереть через секунду, как заботливо я бы готовил для него чашку чая, как бережно поправлял бы подушки на постели больного, как внимательно играл бы с ребенком! Каждый поступок, каждое слово обрели бы придельное измерение, выросли бы в полную меру, потому что стали бы вершиной жизни.

Мы живем большей частью так, словно пишем черновик жизни и рассчитываем, что однажды исправим его, приведем в порядок, перепишем начисто и тогда оставим в вечности. Беда в том, что мы всю жизнь пишем черновик, и когда умираем, остается неряшливая рукопись. Разумеется, знавшие, любившие нас смогут извлечь из нее смысл, смогут прочесть ее зрячими глазами, понять, что мы намеревались сказать или сделать, но так и не сделали. Но, согласитесь, это будет очень жалкий образ нашей жизни. Не так жил Христос, не так жили апостолы, не так жили святые, не так жили и живут все великие подвижники, к какой бы религии или идеологии они себя не относили. Но не только мысль о смерти, но и *чувство неотложности* может позволить нам понимать и поступать соответственно, это чувство, что в нашем распоряжении *только* один настоящий миг, которого уже не будет через секунду, он уйдет *безвозвратно*, пустой, мутный, искаженный.

Мне кажется, это еще одно, чему мы должны научиться – этому чувству *неотложности*, которое связано с нашей конечностью, с конечностью каждого отдельного человека, потому что мы склонны думать, что впереди еще годы и годы, и откладывать все, даже самое для нас драгоценное.

Один из русских духовных подвижников нашего столетия писал, что решительно и плодотворно действовать нам часто мешает короткая мысль, которая нередко успевает вкрасться между намерением и самим поступком. Она может выглядеть так: «Я сделаю это, но чуть позже», или: «А надо ли это делать вообще? Сейчас подумаю...», или: «Должен ли это сделать непременно я?», и даже: «Многие наверняка это сделают лучше меня, тогда зачем это делать мне?».

Если мы позволим себе вступить в диалог с подобными мыслями, то будем уже неспособны действовать – вдохновение и энергия уйдут. Таким образом, когда к нам приходит ясная, светлая, вдохновляющая нас на что-то, в чем мы уверены, мысль, мы должны действовать, не допуская сомнения, *немедленно* и с полной отдачей. Разумеется, не следует путать этот импульс со случайной фантазией, но как часто в ответствен-

ный момент мы бездействуем только потому, что позволили себе задержаться на мысли отложить дело или доверить его другим.

Вот ценности или, если хотите, принципы, которыми стоит жить.

Мы говорили, что это может быть наше *подлинное* «я», постепенное движение к тому, чем каждый призван быть. Ангелус Силезиус, немецкий мистик, писал: «Я так же велик, как Бог; Он так же мал, как я». Мы должны – это именно наш долг – вырасти в полный свой рост, иначе все, что мы ни делаем, не имеет ценности. Какой смысл *делать*, если мы не *становимся*? Это, кстати, одно из различий между ветхозаветными заповедями и заповедями Христа. В Ветхом Завете благодаря соблюдению заповедей человек мог стать праведным, но не мог преодолеть пропасти между собой и Богом, собой в нынешнем своем состоянии и своей подлинной природой. Ветхозаветные заповеди вели в нужном направлении, но не могли разрешить конфликт. В Новом Завете Христос говорит нам: «Когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие; потому что сделали, что должны были сделать» (Лк. 17:10). Все дело не в *исполнении*, а в *становлении*. Заповеди Христовы, Его притчи, Его пример имеют целью показать нам настоящего человека, для нас они – призыв стать таким человеком, для которого слова Христа и Его поступки будут естественным проявлением его личности.

У разных людей высшие ценности могут быть разными. От служителя религиозного культа вы вправе ожидать, что это будет – Бог. Само слово «поклонение» применительно к Богу означает, что мы признаем в Нем наивысшую для нас ценность. Известно, что в некоторых языках в самом корне этого слова заложен такой смысл – «Тот, перед кем падаешь ниц, преклоняешься». Бог – Тот, Кто вызывает в нас священный ужас, благоговение, поклонение, восхищение своей превосходящей все красотой и своим величием, готовность и желание служить Ему любой ценой. Он – Тот, Кто есть Свет миру, Он – Жизнь, Он – единственная реальность.

Ближний тоже может являться высшей ценностью. Чтобы говорить об этом, одних только нравственных категорий будет недостаточно. Дело не только в том, что мой долг – любить ближнего как самого себя, дело гораздо более существенно, сущностно. Представьте, что уважаемый и любимый вами человек, сам бесконечно, до смерти любит кого-то. Если мы действительно любим нашего друга, для нас будет столь же значим и его выбор. То же самое верно и в отношении Бога и ближнего. Бог любит *каждого* из нас, Он *возлюбил нас в бытии*, Он *открыл* Себя нам, Он *отдал* Себя нам, Он *умер* из-за Своей любви к нам. Если мой Бог во Христе *так* любит того моего ближнего, которого я недолюбиваю, к которому не испытываю никаких теплых чувств, я все равно, *ради Бога*, должен

обращаться с ним так, как сам Бог обращается с ним. Бог поручил его мне, и Он ожидает от меня, что, во имя Его, я отнесусь к тому, кого Он любит, так же.

И в этом смысле, мой ближний чрезвычайно значим, значителен, и играет важную роль в моих отношениях с Богом, в моем стремлении стать самим собой и найти свое место в общей картине тварного мира.

И затем следует сказать о человеческом сообществе. Мне вспоминается одна мысль А.Солженицына: можно так любить все человечество в целом, что ненавидеть каждого отдельного человека, потому что каждый по-своему уродует эту прекрасную картину². Это не чуждо всем нам – гораздо труднее любить конкретного человека, чем человечество в целом. У конкретного человека есть свой объем, свои черты, свои достоинства и недостатки, тогда как человечество в целом – плод нашего воображения. Но мы общаемся все-таки с конкретными представителями человечества – это наша семья, друзья, коллеги по работе, соседи по дому. И отношения с ними часто являются для нас вызовом.

И здесь мы должны ощутить собственную ответственность перед человечеством, перед всем человеческим градом. Если он оказывается мал для подлинного и совершенного человека, значит, мы ничего не делаем для этого. Если мы стараемся создать человеческий град, который устраивал бы эгоистическую, жадную, трусливую толпу, которой мы являемся все вместе, то такой град явно окажется слишком мал для человека, поднявшегося в полный рост. Он будет мал даже тогда, когда будет основан на просто добрых, дружеских человеческих отношениях, где всем будет неплохо и, может быть, даже хорошо. Град человеческий должен быть столь же велик и объемён, каким является в нашем представлении Град Божий. Если хотите, град человеческий должен быть таким, чтобы вместить своим первым гражданином Живого Бога, ставшего во Христе Человеком.. Он должен быть соразмерен Царствию Божию. А это значит, что в его основе не может быть примеси самолюбия, жадности, страха, ненависти – ничего, что противно духу любви и самопожертвования.

Ответы на вопросы

– Каким образом можно развить в себе ясность восприятия и умение избегать ошибок?

Я думаю, что на каждом этапе нашей жизни мы должны действовать из всей цельности нашего существа, со всем доступным нам понимани-

² Солженицын А.И. «Раковый корпус».

ем, со всем мужеством, какое у нас есть в данный момент, не меньше. Только действуя и при этом, вслушиваясь в себя, воспринимая все истинное в себе, мы можем развить чуткость восприятия. Часто мы бываем нечутки и сами притупляем свою восприимчивость, потому что боимся. Например, можно спросить больного: «Ну, как ты сегодня?» и получить в ответ: «Спасибо, неплохо». Мы услышали ответ, ушами услышали, но мы постарались не вслушиваться в звук голоса, не вглядываться в выражение глаз человека, потому что это опровергло бы его слова и создало бы для нас новые проблемы. Чтобы услышать и увидеть, требуется решимость, мужество и готовность идти на риск. Пока мы не готовы рискнуть, мы останемся тупы, глухи, слепы; и чем дальше, тем больше, потому что будем усиливать свою защитную реакцию, оберегающую нас от всего пугающего. Мы будем воспринимать все относительно, неполно и, соответственно, будем действовать несовершенно. Но если мы, отстраняя себя, приложим усилия к более бескорыстному восприятию, мы начнем видеть гораздо полнее.

Я процитирую вам слова одного американского проповедника, который имел большой успех в семидесятые годы XIX столетия. Одна благочестивая дама однажды упрекнула его в том, что он все делает неумело, несовершенно, и он ответил ей: «Сударыня, я предпочитаю свою манеру делать вещи несовершенно Вашей совершенной манере их не делать». Думаю, нам следует начать делать несовершенно то, что мы можем, не ожидая, пока сможем делать это с совершенством, потому что этот момент никогда не настанет! Да, конечно, это очень неприятно, нам хочется быть совершенными, нам хочется сделать что-то главное в жизни, но такой случай, может быть, представится один раз. Но слушать, смотреть, слышать, видеть – этому мы можем учиться в любой момент, все время. И если мы учимся этому все время, развивается и наша способность к восприятию, а, следовательно, и наша способность действовать все более адекватно.

– Очень важно услышать от людей более зрелых какой-то убедительный пример из их опыта или наставление. Но люди об этом редко говорят открыто. Почему? И как тут быть?

Мне кажется, очень часто люди всех поколений, в том числе и моего, не хотят открывать свои чувства, потому что справедливо боятся недоверия к ним – слишком уж часто чувствам подражали, разыгрывали их. Могут сказать: «Это все неправда, еще один святоша нашелся, побеленный гроб!». И это заставляет сдерживать себя: «Нет, не скажу, скрою ту святыню, которую несу в себе, потому что не хочу, чтобы ее восприняли как ложь».

Но такая позиция может оказаться предательством, предательством по отношению к кому-то или чему-то. И я вам дам пример. Лет в 14-15 я пережил потрясающий, решающий для меня опыт присутствия Бога. Я никогда не говорил об этом, это было для меня так свято, что я никому не мог позволить к этому прикоснуться. В пятьдесят каком-то году состоялась одна встреча в местном культурном центре – публичный диалог двух неверующих, атеистов, с двумя верующими. Я оказался одним из верующих. Атеисты были не такие уж страшные, и беседа наша шла довольно вяло, пока, наконец, в глубине зала не встал один человек в рабочей одежде и не сказал: «Все это тарабарщина! Я хочу спросить вот того джентльмена в черной свитке (имелся в виду я), почему *он* верующий». И в тот момент передо мной встал выбор – сохранить мою тайну, но предать этого человека, или самое тайное, самое дорогое, что у меня есть, открыть перед всеми и, может быть, подвергнуть пустому обсуждению или даже осмеянию. Я тогда решил ответить на его вопрос. Но в тот момент – вам это может показаться нелепым – я был в ужасе; я подумал, что теряю самое драгоценное для меня. Но при этом я чувствовал, что промолчать будет предательством по отношению к Богу, Который дал мне этот опыт, и по отношению к тому человеку, который, может быть, нуждался в нем. Я понятия не имею, что он с этим потом сделал. Но тогда я подумал, что я *должен* рассказать ему.

С другой стороны, я знаю, англичанам присуще особое, если можно так выразиться, *англосаксонское*, чувство неловкости. Недавно ко мне пришел молодой человек. Сначала он спросил меня, как стать священником, потом это вызвало два других вопроса – что значит быть «призванным» и как на это отозваться. Мы достаточно умно, глубоко, тонко, и с чувством, поговорили на эту тему. А затем он сказал: «Меня беспокоит тот факт, что в церкви только сорок процентов мужчин и шестьдесят процентов женщин. Я чувствую, что принадлежу к меньшинству. В чем причина, и что с этим поделать?». И поскольку у меня нет британской сдержанности, я воскликнул: «Очень просто! Причина в том, что *Вы* не привели в церковь своих друзей!». Он посмотрел на меня с ужасом и сказал: «Я слишком стесняюсь говорить об этом с друзьями!». И, знаете, я сказал ему: «Вы понимаете, что происходит? Вы чувствуете, что Бог и все то, что утверждает Церковь, *так* важно для Вас, Вы готовы посвятить себя служению Богу и Церкви, и тут же говорите, что Вам стыдно признать это перед друзьями!».

Я думаю, надо иметь мужество оказаться посмешищем; надо иметь мужество встать и угодить под прицел, надо иметь мужество потерять, если нужно, то, чем обладаешь, отдать это и остаться с одним холодным,

непоколебимым убеждением, без той радости, которую дает сокровенность, интимность переживания. Одна из проблем нашего времени это проблема застенчивости и трусости. Столько случается из-за того, что человек просто струсил! Попробуйте открыться, и вы увидите, что ничего ужасного не произойдет. Есть такая русская поговорка: «Молодец против овец, а против молодца и сам овца». Большинство людей оказывается просто овцами, когда встречаешь их на самых разных жизненных путях, я и сам ходил такими путями.

– *Какое место в духовном развитии вы отводите Святому Духу?*

Дерзну сказать, что «отвести Ему место» невозможно – Он приходит, когда хочет!

Если же говорить более серьезно – Святой Дух действует везде и всегда. Он побуждает нас тосковать по Богу, Он побуждает нас жить определенным образом, Он взывает из глубин и говорит: «Не живи поверхностно! Иди вглубь!», и Он *воздыханиями неизреченными* (Рим. 8:26) устремляется к нашей полноте, даже тогда, когда мы сами не догадываемся, что происходит. Когда мы найдем Христа, Он учит нас обращаться словом «Отче!» к Тому, Кто есть Отец Христа и наш Бог, но Кто во Христе, через наше единство, близость, любовь, веру становится также и нашим Отцом. Он действует постоянно! У меня нет никакой возможности Ему что-то «отвести», потому что Он подобен воздуху, Он парит, Он есть. Что я могу – это отказаться слушать, это заглушить чувства и переживания, которые Он вдыхает в меня. Но Он все время в действии. Не знаю, ответил ли я вам, но лучше сказать не могу.

– *В Евангелии сказано, что всякая хула на Сына Человеческого прощится, но хула на Духа Святого не прощается. Как это понять?*

Я думаю, с тех самых пор, как были написаны Евангелия, люди задавались этим вопросом, и в зависимости от обстоятельств находили всевозможные ответы. Можно, я изложу свой? Потому что общий ответ вы найдете всегда.

Мой ответ я начну с образа. Древние писатели говорили о Боге Едином в Троице, сравнивая Его либо с солнцем, его светом и теплом, либо с горением полена в костре, от которого также исходит тепло и свет. Если пытаться говорить о Боге Самом в Себе, то будет невозможно ничего сказать, никто ведь не знает, что означает быть горящим поленом. Чтобы познать, что это такое, надо *стать* этим горящим поленом, а этого мы сделать не можем. Мы видим мерцающий огонь и движение пламени. Это танцующее пламя – явление вне нас, и мы можем его только истолковать, правильно или ложно. И я думаю, потому Христос говорит, что *может* проститься ложное слово о Нем, что объективный факт, факт вне

нас, может быть не понят совсем или понят неверно, а также ложно истолкован. Предположим, что вы замерзаете на улице и не знаете, что такое огонь. Через окно на нижнем этаже вы увидели горящий камин, и вам говорят: «Вот огонь, он согревает». Вы ответите: «Он совсем не греет, я уже окончательно замерз». Между вами преграда, между вами и фактом есть что-то, что не дает вам возможности оценить его в полной мере, понять. Поэтому столько людей не поняли Христа или отвергли Его, была пелена на глазах, ослепленность, ожесточение сердца или просто такая уверенность, которая была несовместима с признанием Христа. Типичный пример – апостол Павел. Его представление о Боге было таким ясным и несомненным, что он никак не мог признать Христа за Того, Кем Он был.

С другой стороны, кроме горящего полена и пламени, есть и тепло. Если вы ощущаете это тепло, но говорите, что никакого тепла нет, вы либо безумны, либо лжете. И это состояние отрицания того, что вы знаете и испытываете, неисцелимо, т.е. ваша ложь может быть исцелена только путем глубоких внутренних изменений. Бог открылся во Христе; Христос посылает нам Духа Святого, Который, в свою очередь, открывает нам Отца. Но Святой Дух можно познать и ощутить прямым переживанием, и если мы отрицаем это переживание не из-за отсутствия восприимчивости, а по намеренному выбору, необходима полная внутренняя перемена. Вот почему, я думаю, грех против Духа Святого, отвержение, отделенность от Него, безнадежно не исцелимый грех. Я не имею в виду объективную отделенность, я говорю о сознательном выборе, который заставляет нас сказать: «То, что я знаю, – этого *нет*, мой опыт не существует». Вот единственное, что я нашел в качестве разумного объяснения. Возможно, вам оно таким не покажется.

– В чем заключается особая роль Христа, по сравнению с другими пророками, великими Учителями и наставниками в истории человечества?

Главное для меня здесь вот что – многие великие наставники открывали нам нечто глубокое и истинное о Боге, но никто из них, кроме Христа, не являлся Самим Богом, ставшим человеком. Я верю, что Христос был истинно Бог, вошедший в историю через воплощение, и это явление космического порядка. Это не учение, а физическое присутствие Бога. И в этом смысле Христос для меня стоит особняком, вернее, Он абсолютно единственен, потому что я верю, что Он именно Тот, Кем называл Себя. Тут важно не столько учение, сколько событие. Если читать Евангелие параллельно с книгами Ветхого Завета, комментариями к ним, раввинистическими писаниями, в частности, Гиллеля, вы увидите, что огромное

количество Его заповедей или советов можно найти и там. Чего там нет – так это Его Самого.

– В нашей жизни очень мало того, что напоминало бы нам об ином, над-человеческом, что-ли, измерении...

Я думаю, есть напоминания, и на самых разных уровнях. Порой, перед нами встает вопрос, который не может быть разрешен на уровне нашего человеческого мышления. Если в этот момент мы не уйдем от вопроса, но признаем, что он превосходит наше понимание, – мы окажемся лицом к лицу с возможностью открытия. Если мы отмахнемся от него или дадим поспешный, туманный ответ, мы потеряем шанс. Знаете, это подобно работе ученого. Рано или поздно ученый подходит к моменту, когда имеющихся у него знаний оказывается недостаточно для дальнейшего решения проблемы. Повисает большой вопросительный знак, который не может быть снят ни данными вчерашнего дня, ни сегодняшними знаниями. И если он скажет себе: «Я оказался перед неизвестным, я не буду скрывать это от себя, отворачиваться от этого, я буду смотреть в пустоту вопросительного знака», – тогда у него появится шанс сделать открытие.

То же самое относится и к нам. Иногда мы сталкиваемся с неразрешимым вопросом – что делать? Если мы скажем: «Пока это неразрешимо, не будем искать быстрого, но может быть ложного решения, чтобы успокоить сердце или упростить проблему», – то возможно нам придется сидеть перед этим вопросом бесконечно долго. Вопрос, подобно древнему Сфинксу, будет стоять и ждать: «Ну, и каков твой ответ?». Если мы дадим неверный ответ, мы погибнем. Помните, Сфинкса, который сидел на перекрестке дорог и спрашивал каждого путника: «*Кто ты?*»? Тот, кто давал неверный ответ, погибал. Все отвечали: «Я воин, я купец, я царь». Наконец, подошел Эдип и, соевлекшись всяких нарядов, ответил: «*Человек*». Это-то и был верный ответ. Если нам достанет мужества сидеть перед Сфинксом, не пытаясь забросать его множеством ответов, как бросают кости голодной собаке, чтобы пройти мимо, пока она их грызет, мы, может быть, что-то и найдем.

И когда мы признаем, что есть нечто, превосходящее наше понимание и опыт, мы сможем начинать ставить себе другие вопросы. Эдип нашел свой ответ. Мы можем тоже найти свой. Например, мы обнаружим, что нынешняя проблема как-то перекликается с нашим прошлым, мы уже встречались с чем-то подобным, но не признали тогда это за проблему, мы были слишком молоды, незрелы, поэтому проскочили мимо нее. Теперь мы должны дать ответ.

Знаете, есть место в конце Евангелия от Марка, когда уже после Воскресения ангел велит ученикам идти в Галилею, чтобы им снова увидеть Христа (Мк. 16:7). Мы это принимаем просто, по большей части, не задаваясь вопросом, а почему собственно надо идти встречать Его в Галилею, когда ученики столько раз встречались с Ним здесь? И в верхней горнице, и в нижней, и в саду, и т.д.? От человека мною уважаемого я услышал однажды следующее объяснение. Галилея – это место, где они впервые встретили Христа, это место первых встреч. Он вырос в Назарете, недалеко – Кана Галилейская, откуда родом Нафанаил, совсем близко Капернаум. Они все знали друг друга с детства, и служение Христа началось там, и своего рода «медовый месяц» узнавания и радости (еще нет преследований, только чудесная встреча с новым учением, мир разверзается в красоте и величии) прошел там. Вернитесь к этому моменту! Забудьте ужасы последних месяцев! Забудьте преследования, страдания, смерть! Вернитесь к началу, к источнику, к весенней свежести, и вспомните все!

Я думаю, у каждого из нас где-то внутри есть своя Галилея. Вернитесь к этому! Это путь, на котором внутри себя можно найти хотя бы частичный ответ на устрашающий вопрос Сфинкса.

– Наше время – время утраты всяческих идеалов. Многие люди растеряны. Что бы могло вывести людей из тупика?

Падение идолов я рассматриваю как положительную вещь, если то были идолы. Может быть, не все были таковыми. Я сознательно употребил слово «идолы» – это ложные идеалы, идеалы или убеждения, которые были искажены или слишком малы для человечества: почитание Гитлера, Муссолини, Сталина, преклонение перед богатством, благополучием, охота за счастьем, покоем, довольством и т.д. Тот факт, что человек признал ложность некоторых вещей, должен воодушевить нас, это момент, когда он говорит себе – я увидел то, что искажено, ложно, неверно, но как узнать истинное?

Я думаю, что не смогу ответить исчерпывающим образом на ваш вопрос. Как только я начну отвечать, у нас возникнут разногласия относительно критериев выбора. Скажем, нет такой одной политической партии или идеологии, которую все мы можем принять. Нет такого общественного строя, который каждый из нас сочтет справедливым. Но мы согласимся, что высшая ценность – в самоотдаче, бескорыстном служении каждому отдельному человеку и сообществу людей в целом, а всякий раз, как я выбираю эгоизм, жадность, ненависть, я разрушаю то, что должен был бы созидать.

Так вот, первая созидаящая ценность – это бескорыстие. Бескорыстие может выражаться множеством способов. Можно мирно строить общество, можно его защищать. Есть еще такие ценности, как свобода, как человеческое достоинство. Я не люблю выражение «права человека», потому что оно стало политическим лозунгом, я бы сказал – право быть человеком и не меньше. Вот это главное для меня. Я сознательно уклоняюсь от конкретных примеров, потому что как только я начну их давать, мы тут же передеремся!

– В нашем мире так много зла, что просто опускаются руки. Как современному человеку сохранить надежду?

Я был врачом, я знаю, что боль или какие-то иные ненормальные симптомы пугают пациента, но помогают врачу понять, в чем дело! И, порой, боль является единственным признаком скрытой болезни, от которой человек мог бы умереть. Это общее правило, оно применимо и к смертельной болезни, и к мелким случаям: кто из нас пошел бы к стоматологу, если бы не зубная боль? В этом наше спасение!

То же самое в каком-то смысле относится и к обществу. Нестроения или разногласия в человеческих отношениях должны служить призывом задуматься и хорошенько взглянуть в существующее положение вещей, вместо того чтобы приходить в смятение, уныние, безнадежность. С нами происходит то, что случалось во все времена и в каждом обществе.

Перевод с англ. Е. Л. Майданович